

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

БЕААЛОТХА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Вызов, с которым столкнулся Моше

Это был самый страшный кризис в жизни Моше. Сыны Израиля, подстрекаемые «иноплеменным сбродом», возрптали, жалуясь на питание: «Кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую мы ели в Египте даром, огурцы и дыни, зелень, лук и чеснок. А теперь наша душа иссохла. У нас перед глазами нет ничего, кроме мана!»

Конечно, возмутительное проявление неблагодарности, но далеко не первое со стороны сынов Израиля. В книге Шмот (главы 15–17) описаны три более ранних эпизода, случившихся сразу после перехода через Тростниковое море. Сначала, в Маре, люди жаловались на горькую воду. В другой раз более резко протестовали из-за нехватки продовольствия («Лучше бы нам было умереть от руки Г-спода в земле Египетской, когда сидели мы у горшка с мясом и ели хлеб досыта! А вы привели нас в эту пустыню, чтобы уморить весь народ голодом!»). Позже, в Рефидиме, возмутились отсутствием питьевой воды, и Моше воззвал к Б-гу: «Что мне делать с этим народом? Еще немного, и они побьют меня камнями!»

Так что эпизод, описанный в нашей недельной главе, – происшествие в месте,

которое позднее нарекли Киврот-а-Таава, – не первый такой вызов в жизни Моше. Уже четвертый случай.

Но Моше реагирует не так, как прежде. Он скатывается до полного отчаяния: «Зачем Ты сделал зло рабу Твоему? Чем я так неугоден Тебе, что Ты взвалил на меня бремя всего этого народа? Разве я зачал этот народ, разве я родил его? Почему же Ты велишь мне: “Неси его на груди, как воспитатель несет малое дитя, – [неси их] в ту землю – [в землю,] которую Ты поклялся [отдать] их праотцам”. Откуда мне [взять] мясо, чтобы накормить весь этот народ? Ведь они рыдают передо мной и требуют: “Дай нам мяса, чтобы мы наелись!” Я не могу один нести весь этот народ, для меня это слишком тяжелая [ноша]! Если так Ты поступаешь со мной, то – коль скоро я Тебе угоден! – лучше убей меня сразу, лишь бы мне не видеть моей беды».

Какой нетипичный накал страстей. Моше молит Б-га послать ему смерть. Что ж, после него так поступали и другие пророки Израиля. Такие молитвы слетали с уст Элияу, Ирмеяу и Йоны. Значит, догадываемся мы, даже в жизни величайших людей случаются минуты отчаяния. Но случай Моше озадачивает

особенно. Он уже сталкивался с такими же сложностями и каждый раз справлялся. Каждый раз Б-г откликался на просьбы народа. Б-г посылал им воду, ман и перепелов. Моше понимает, что справиться можно. Почему же четвертая по счету вспышка народного негодования («Кто накормит нас мясом?») так подействовала на Моше, сильнее всего из людей? Ведь он, кажется, совершенно сломлен.

Не менее удивляет ответ Б-га: «Собери для Меня семьдесят человек из старейшин Израиля, о которых тебе ведомо, что они — старейшины народа, его распорядители. Приведи их к Шатру Встречи, и пусть они станут там вместе с тобой. Я сойду и там буду говорить с тобою. Я возьму от духа, который [пребывает] на тебе, и передам им, чтобы они вместе с тобой несли бремя этого народа, чтобы ты не нес [его] в одиночку».

Признаем, тем самым Б-г откликается на жалобу Моше: «Я не могу один нести весь этот народ». Однако и жалоба, и ответ все же загадочны. Каким образом назначение старейшин поможет устранить внутренний кризис, с которым столкнулся Моше? Нуждается ли он в их помощи, чтобы раздобыть мясо? Очевидно, что нет. Мясо либо появится чудесным образом, либо вовсе не будет найдено. Нуждается ли он в старейшинах, чтобы разделить с ними бремя руководства? Тоже нет. Структуру делегирования полномочий он в недавнем прошлом уже создал по совету своего тестя Итро. Итро сказал: «Нехорошо то, что ты делаешь. Совсем измучаешься и ты, и этот народ, который с тобою. Такое дело тебе не под силу, ты не справишься с ним один. Послушай же, что я тебе посоветую, и да будет с тобой Б-г! Будь [представителем] народа пред Б-гом и передавай Б-гу тяжбы, а народу разъясняй уставы и постановления, сообщая, по какому пути им идти и как поступать. Выбери из народа

достойных людей — богобоязненных, правдивых и неподкупных — и назначь их [начальниками]: кого над тысячей, кого над сотней, кого над полусотней, кого над десятком [людей]».

Моше осуществил совет на практике. Значит, у него уже были помощники, заместители, целая команда руководителей. Как может изменить ситуацию новое назначение семидесяти старейшин?

Кроме того, почему в ответе Б-га придается большое значение духу: «Я возьму от духа, который [пребывает] на тебе, и передам им»? Отчего, чтобы помочь Моше, старейшинам необходимо стать пророками? Пророческий дар — не подспорье в административной работе и других обязанностях руководителя. Он разве что подскажет, какие указания давать народу, но для этого достаточно одного пророка, Моше. Скажу конкретнее: семьдесят старейшин либо передали бы народу те же слова Б-га, которые передавал Моше, либо какие-то другие. Если они передали бы те же слова, их участие излишне. А если бы передали что-то другое или не передали ничего, они подорвали бы авторитет Моше. Кстати, именно этого боялся Йеошуа [Бемидбар, 11:28].

Рамбан, подмечая множество труднодостижимых мест в тексте, предлагает такое толкование: «Моше думал, что, если у народа будет много предводителей, те, когда народ примется роптать, умиротворят его гнев, поговорив с ним по душам. Либо, возможно, когда старейшины начнут пророчествовать и дух будет пребывать на них, народ поймет, что старейшины выбраны в качестве пророков, и тогда люди не станут собираться всем скопом, требуя чего-то у Моше, а станут также обращаться к старейшинам, чтобы те исполнили их прихоти».

Оба предположения проникательны, но оба вызывают возражения. Если верна первая версия: старейшины должны стать для народа миротворцами, то для этого не требуется назначать новый руководящий состав. У Моше уже есть предводители групп людей — тысячники, сотники, пятидесятники и десятники. Вторая версия, согласно которой присутствие старейшин рассеет народный гнев, так как с жалобами можно будет обращаться к многочисленным начальникам, а не к одному Моше, вызывает не меньшее недоумение. Мы же помним: когда у народа появился еще один человек, к которому можно было обратиться со своими проблемами (Аарон), это привело к созданию золотого тельца. Почему в тот миг Б-г не «взял от духа», который пребывал на Моше, и не передал этот дух Аарону? Тем самым Он предотвратил бы самую страшную катастрофу за все времена скитаний по пустыне. Вдобавок, насколько мы можем видеть, в Киврот-а-Тааве семьдесят старейшин вроде бы ничего конкретного не совершили. В тексте даже говорится [11:25]: «Когда на них снизошел дух, они стали пророчествовать, но [позднее] не делали этого вновь»¹ [таков прямой смысл текста согласно большинству комментаторов, хотя в Таргуме толкование иное]. Каким образом изменил ситуацию этот единичный и больше никогда не повторявшийся прилив пророческого духа? Чем больше вдумываешься в отрывок, тем больше загвоздок.

И все же что-то произошло. Отчаяние Моше как рукой сняло. Он стал смотреть на жизнь абсолютно иначе. Сразу после этого эпизода перед нами предстает новый Моше. Даже самые серьезные вызовы его руководству не выводят его из равновесия.

¹ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова (Тора с афтарот. М.: Книжники; Лехаим, 2025): «Когда на них

Когда двое старейшин Эльдад и Мейдад пророчествуют не в Шатре Встречи, а в стане, Йеошуа чует в этом угрозу для авторитета Моше и говорит: «Моше, господин мой, останови же их!» Моше отвечает со всепобеждающим великодушием: «Уж не за меня ли ты ревнуешь? О, если бы все в народе Г-спода были пророками, лишь бы Г-сподь послал на них дух Свой!» В следующей главе, когда против Моше начинают роптать его родные брат и сестра, Аарон и Мирьям, он ничего не предпринимает: «А этот человек, Моше, был очень смиренным, [самым смиренным] из всех людей на земле». Собственно, когда Б-г прогневался на Мирьям, Моше помолился за нее. Отчаяние прошло. Кризис миновал. Оба эти вызова были гораздо серьезнее, чем просьбы народа о мясе, но Моше встретил их с уверенностью в себе, невозмутимо. Значит, в его отношениях с Б-гом что-то успело произойти, и Моше преобразился. Что же именно произошло?

Чтобы разобраться в этой череде событий, поместим их для начала в исторический контекст. Рабби Моше Лихтенштейн в своей проникательной книге о руководящей деятельности Моше «Цир ве-цон» (Алон-Швут, 5762) указывает на заметную разницу в эмоциональной окраске между книгой Шмот и книгой Бемидбар. Жалобы ропщущего народа — одни и те же, но в Бемидбар реакция Б-га и Моше меняется. В книге Шмот Б-г не гневается на народ, а если и гневается, молитвы Моше способны отвратить этот гнев. В Бемидбар реакция (в некоторых случаях реакция Б-га, в других реакция Моше) более суровая. Что же изменилось?

Рабби Лихтенштейн (по-моему, абсолютно верно) предполагает, что поначалу вспыльчивость народа была

снизошел дух, они стали пророчествовать, [но вскоре смолкли] и не продолжали». — *Примеч. перев.*

простительна. Да, конечно, людям следовало бы уповать на Б-га, но они никогда прежде не сталкивались с такими проблемами, как переход через Тростниковое море, странствия по пустыне, нехватка пищи и воды. Их самое страшное преступление — изготовление золотого тельца — приводит к длительной паузе в повествовании, которая длится, в сущности, со Шмот, 25 до Бемидбар, 11. В этот период, откликаясь на мольбы Моше о прощении людей, Б-г дает народу указания о строительстве Святынища, чтобы стало возможно Его постоянное присутствие среди них.

Большую часть второй половины книги Шмот, всю книгу Ваикра и первые десять глав книги Бемидбар занимают детальное описание Святынища, служения, которое должно в нем совершаться, а также реформирования Израиля в качестве святого народа, который должен расположиться станом вокруг Святынища, каждое колено — на своем месте. Вся эта последовательность из 53 глав, причем действие каждой главы происходит в пустыне у горы Синай — что-то вроде метаисторического момента, перерыв в кочевьях сынов Израиля. Время замирает, пространство неизменно. В промежутке между двумя событиями, которые переключаются между собой, — дарованием Торы и строительством Святынища, — сыны Израиля превращаются из недисциплинированного скопища беглых рабов в нацию, чья конституция — Тора, чей верховный правитель — один лишь Б-г, а центр (физический и метафизический) — Мишкан, он же Святынище, зримый знак Б-жественного присутствия. Люди уже не таковы, какими были до прибытия к горе

Синай. Теперь они «царство священников и святой народ».

Именно поэтому Моше впал в отчаяние, когда эти самые люди принялись ворчать из-за еды. Раньше они тоже так себя вели. Но раньше с них был другой спрос — они были совсем другими. Не испытали тех грандиозных перемен, которые сформировали из них нацию. Вот что сломило дух Моше: оказывается, едва они покинули Синайскую пустыню и возобновили странствие, вернулась старая привычка роптать по любому поводу, словно все осталось по-прежнему. Что в силах изменить людей, возможно ли вообще их изменить, если их не изменили ни откровение на горе Синай, ни зрелище Б-жьего гнева из-за золотого тельца, ни долгий труд на строительстве Святынища?

Под таким углом становится легко, даже слишком легко понять отчаяние Моше. Впервые с начала миссии он столкнулся нос к носу с перспективой своего поражения. Оказывается, этот народ ничем не переделать — по крайней мере, так кажется Моше. Ничто, ни чудеса, ни избавление от бедствий, ни откровения, ни творческий труд, не может превратить народ, думающий только о еде, в нацию, сознающую суть уникального этико-духовного предназначения, к которому она призвана. Возможно, Б-г, глядя из вечности, зрел в будущем проблеск надежды. Но Моше, будучи человеком, не мог его узреть. «Лучше я умру, — говорит он, — чем проведу остаток жизни в напрасных усилиях».

Тут мы вступаем в область умозрительных предположений. Возможно, я ошибаюсь (как выражается Нецив² во введении к «А-амек давар», раздел 5), но вот мое истолкование всей череды событий.

² Рабби Нафтали-Цви-Йеуда бар Яков Берлин (Нецив из Воложина; 1817-1893) — глава Воложинской ешивы. — *Примеч. перев.*

В жизни всякого лидера, который совершает колоссальные преобразования, может наступить момент, когда тучи сомнений застилают солнце надежды. Сомневается он не в Б-ге, а в людях и особенно в себе. А если мои действия, в сущности, ничего не меняют? А если моя уверенность в том, что я способен переделать мир, — лишь самообман? Я старался изо всех сил, вдохновенно трудился, но, похоже, ничем не повлиял на унылую реальность — люди все так же малодушны и недалёковидны. Я нес народу слово Самого Б-га, но он по-прежнему ропщет, по-прежнему думает только о сегодняшних, временных неудобствах, а не о безграничных возможностях своего завтрашнего дня. Такое отчаяние (ле-авдиль³, Уинстон Черчилль, которого оно тоже терзало, придумал для него образное название: «черный пес») бывает даже у великих (повторюсь: не только Моше, но и Элияу, Ирмеяу, Йона молили Б-га о смерти). Моше был величайшим из людей. Поэтому Б-г сделал ему величайший из подарков — дал то, чего больше никто никогда не получал.

Б-г дал Моше возможность увидеть, какое влияние он оказывает на других. На короткий миг Б-г взял «от духа, который [пребывает] на тебе, и передал» этот дух другим людям. Таким образом Он показал Моше, как его влияние изменило одну группу людей — семьдесят старейшин. Это все, в чем нуждался Моше, чтобы преодолеть свой внутренний кризис. Он не нуждался в помощи старейшин. Не нуждался в том, чтобы они продолжали пророчествовать. Все, что ему было нужно, — увидеть одним глазком, на миг, как его дух сообщается со старейшинами. И тогда Моше понял, что его действия все-таки кое-что изменили. Он вряд ли мог вообразить,

что в будущем, хотя при жизни он видел от сынов Израиля в основном лишь жалобы, вызовы своей власти и мятежи, его влияние будет решающим, и спустя 3300 лет народ Израиля будет изучать переданные им слова и жить в соответствии с этими словами. Моше не догадывался, что способствовал формированию идентичности, которая окажется самой стойкой из всех идентичностей в истории человечества. Не подозревал, что в этом будущем люди признают его величайшим лидером всех времен. Ничего этого он не знал, но и не нуждался в том, чтобы это узнать.

Все, что ему было нужно, — увидеть, что семьдесят старейшин вобрали в себя дух, пребывавший на нем, и передают людям то же послание Б-га, что и он. Тогда Моше понял, что живет не напрасно. У него есть ученики. Видение будущего, живущее в его душе, разделяют другие. Он заронил его в умы других людей. Когда жизнь Моше подойдет к концу, другие продолжат его дело.

Большого Моше не требовал, и мы тоже не должны требовать. Осознав все это, Моше обрел способность бестрепетно встречать любые вызовы и проблемы (единственным исключением стала ситуация в Кадеше много лет спустя, но это уже другая история).

Разобравшись с этим, мы обнаруживаем, что рассказ о кризисе в жизни Моше — урок всем нам (что несомненно, именно потому он помещен в Торе). Поделюсь воспоминанием: когда мой отец, благословенной памяти, умер, мы — я, моя мать и братья — сидели по нему шиву. Посетители сменяли друг друга, но слышали мы от них похожие рассказы: они рассказывали о добрых делах, которые сделал для них наш отец, в том числе о его поступках, совершенных более пятидесяти

³ Не рядом будь помянут (*ивр.*). — Примеч. перев.

лет назад. Позднее я выяснил, что многие другие, сидя шиву, тоже узнают о своих родных такие истории.

«Как трогательно, — думал я, — и в то же время как грустно, что моего отца, благословенной памяти, нет с нами и он не может услышать их слова. Он бы утешился, узнав, что, хотя жизнь его была полна трудностей, его добрые дела не забылись. И как страшно, что мы часто держим свою благодарность при себе и высказываем вслух только после смерти человека, которому стольким обязаны, высказываем, утешая его скорбящих близких».

Пожалуй, такова человеческая природа. Мы никогда по-настоящему не знаем, как много даем другим: как доброе слово, предупредительный поступок, утешительное поглаживание по плечу меняют чью-то жизнь и никогда не забываются. В этом, если не в чем-либо другом, мы подобны Моше. Он тоже был живым человеком, не умел читать мысли других. Если бы не чудо, он так бы и не узнал, какое влияние оказывает на свое ближайшее окружение.

Со стороны казалось, что, по всем приметам, никакого влияния нет. Народ даже после всего, что для него сделали Б-г и

Моше, оставался неблагодарным и сварливым, скорым на упрёки и ропот. Но то было поверхностное впечатление. Б-г на мгновение позволил Моше заглянуть в людские сердца. Б-г показал Моше, как его дух пропитал души других и хотя бы на миг возвысил их до уровня пророческого видения.

Б-г не совершал ничего подобного больше ни для одного человека — ни тогда, ни сейчас. Но если для Моше такого прозрения было достаточно, то его достаточно и для нас. Добро, которое мы делаем, нас переживет. Ничего более драгоценного после себя мы не оставляем. Мы можем оставить кому-то в наследство богатство, власть, даже славу, но все эти блага сомнительны и иногда приносят наследникам больше вреда, чем пользы. То, что мы по-настоящему оставляем всему человечеству, — следы нашего влияния, которое меняло мир к лучшему. Возможно, мы никогда не увидим этих следов, но они реальны. Таково величайшее благо, которое мы извлекаем из руководящей деятельности. Оно, и только оно служит противоядием от отчаяния, дает основания для надежды.